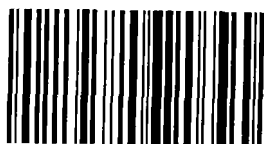

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

005011182

На правах рукописи

Церпицкая Ольга Львовна

ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ
МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Специальность 23.00.04 — политические проблемы
международных отношений, глобального и регионального
развития

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

– 1 МАР 2012

Санкт-Петербург
2012

Работа выполнена на кафедре мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Научный консультант: Заслуженный деятель науки РФ
доктор исторических наук, профессор
Ватаняр Саидович ЯГБЯ;

**Официальные
оппоненты:** доктор политических наук, профессор
Вера Алексеевна АЧКАСОВА,
заведующая кафедрой социально-полити-
ческих наук Санкт-Петербургского государ-
ственного университета телекоммуникаций
им. М. А. Бонч-Бруевича;

доктор философских наук, профессор
Юрий Васильевич КОСОВ,
декан факультета международных отноше-
ний Северо-Западного института
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ;

доктор политических наук, доцент
Сергей Анатольевич ШАТРАВИН,
начальник кафедры морально-
психологического обеспечения Военно-
морской академии им Н. Г. Кузнецова

Ведущая организация: Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ

Защита состоится 20 марта 2012 г. в 18 часов на заседании
диссертационного совета Д. 212.232.65 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском
государственном университете по адресу: 191060, Санкт-Петербург,
ул. Смольного, 1-3, 8-й подъезд, ауд. 124.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени
М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета по
адресу: 199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Автореферат разослан 10 февраля 2012 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Д. И. Портнягин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена ростом политического и духовного значения религии в жизни общества в XXI веке, и именно миссионерская деятельность (или, иначе говоря, духовная миссия) во все времена являлась одной из важнейших задач верующего и воцерковленного христианина (Иоанн (Попов), архиеп., 1996). Не являются исключением и православные христиане, которые, согласно последней Концепции Миссионерской деятельности Русской Православной Церкви (2009), должны занять одно из ведущих мест в деле проповеди — донесении до окружающего мира вести о Воскресшем Спасителе. И даже не вдаваясь в определяющие эти интенции рассуждения о понимании термина «царственное священство мирян», можно констатировать, что вовлечение большого количества людей в конкретный род деятельности способно заставить учитывать последнюю при принятии решений, в том числе и внешнеполитических. Действительно, Российское государство на всех этапах своего существования не прекращало пристально следить за процессами, происходящими в области миссионерской деятельности, пытаясь использовать их для реализации своих геополитических устремлений.

Рассмотрение вопроса церковно-государственных отношений в области внешней политики, равно как и признание самого факта существования подобных отношений, в России стало возможным только в последние лет двадцать, и то с большими оговорками — многие документы (как, например, о дипломатических поручениях со стороны государства митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Никодиму (Ротову)) (Ювеналий (Поярков), митр., 1999) остаются засекреченными, воспоминания современников (если мы говорим об относительно недавних событиях) противоречивы и носят отпечаток личных симпатий и антипатий. Очевидно, что подлинная деятельность Русской Православной Церкви на международной арене не исчерпывается единственно возможной еще тридцать лет

назад борьбой за мир, и уже само Российское государство не снисходительно или тайно, как в былые времена, поддерживает Русскую Православную Церковь, а та, в свою очередь, — международный престиж России, и осуществляет она это преимущественно посредством миссионерской деятельности. На рубеже XX–XXI веков наблюдается рост взаимодействия Русской Православной Церкви и Российского государства в различных областях жизни страны, причем не только в духовной, но и в практической плоскости.

В условиях глобализации и усиления технократических умонастроений тема дезинтеграции духовных доминант стала одной из основных в современной политической науке, что, например, нашло отражение в трудах Д. Белла (1973) и П. Тиллиха (1976). По мнению последнего, установка на техницизм и рационализм привела к разрушению духовных основ современного общества, но в настоящее время снова крайне востребованным становится возрождение в человеке ценностного отношения к себе и к окружающему миру. Именно поэтому объективный смысл миссионерской деятельности состоит в наполнении процессов модернизации духовным смыслом, внося гармоническое равновесие в борьбу рационального и иррационального, технократического и аксиологического в современном мирополитическом процессе цивилизационных преобразований.

Но миссионерская деятельность в контексте глобальных модернизационных процессов (как, впрочем, и миссионерская деятельность в целом) еще не стала предметом специального научного изучения. В советские годы, «не став одним из самостоятельных и плодотворных направлений исследовательской работы наших ученых, большая научная проблема быстро выродилась в набор самых хрестоматийных и никого не впечатляющих сведений насчет того, что в деятельности той или иной миссии было хорошего или плохого» (Шаталов О.В., 2000). Имеющиеся отдельные статьи или небольшое количество опубликованных монографий (преимущественно, переводных) не могут дать полную и обобщенную картину эволюции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви под влиянием глобальных модернизационных процессов. Более того, это не позволяет выявить и представить Церковь как одного из акторов мировой политики, а миссию — как ее внешнеполитический метод.

Между тем, значительный политический вес Русской Православной Церкви в мире в настоящее время не вызывает сомнений и обусловлен тем, что она является самой крупной Православной Церковью в мире, к ней прислушиваются и ее мнение учитывают другие Поместные и Автокефальные Православные (и не только) Церкви. Значительная репутация Русской Православной Церкви в мировой политике определяется, во-первых, неуклонным следованием традиции (ее нельзя упрекнуть в изменении ценностных норм в угоду времени), и, во-вторых, самостоятельностью Церкви в определении собственных целей и решении собственных задач даже под внимательным присмотром и, как это бывало не раз в истории, давлением государства (Алексий II, Патриарх, 2000).

Таким образом, мы можем констатировать, что Церковь имеет собственные внешнеполитические интересы и возможность самостоятельно их формировать. Однако допустимы ситуации, в которых собственные цели Русской Православной Церкви совпадают с намерениями российского правительства или мирового сообщества. И это неслучайно, так как русское Православие, православная этика, православная духовность пронизывали и пронизывают судьбу российского общества и государства, вошли в ментальность народа. Это особо учитывается государственными и надгосударственными структурами, придерживающимися противоположных точек зрения на модернизационные процессы, — сторонниками последних и их противниками, — стремящимися, соответственно, развить или ограничить миссионерскую деятельность Русской Православной Церкви как способа передачи сохраненной традиции. Поэтому можно утверждать, что Русской Православной Церкви принадлежит особая роль в формировании и развитии современных общественных и институциональных перемен в России.

Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви вносит существенный вклад в духовное наполнение модернизационных процессов как в глобальном, так и в российском варианте их развития. Также актуальность настоящего исследования обусловлена общим интересом представителей многих научных направлений к явлению православной духовной миссии в современной ситуации и потребностью в разработке модели церковно-государственного

взаимодействия во внешней и внутренней политике, основанной на миссионерской деятельности Церкви.

Все приведенные выше аргументы подтверждают, что к числу важнейших проблем современного политического развития относятся вопросы миссионерской деятельности Русской Православной Церкви как реакции на модернизационные изменения в мире.

В качестве **научной гипотезы** выдвигается положение о том, что в результате глобальных модернизационных процессов, трансформирующих миссионерское поле, внешние формы православной духовной миссии эволюционируют, тогда как миссионерский императив остается неизменным, будучи защищенным внутренней резистентностью к ценностям модерна и постмодерна.

Цель исследования состоит в определении роли миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в контексте глобальных модернизационных процессов.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. охарактеризовать основные тенденции и последствия эпохи модерна в современном мире и в России;
2. выявить место Православия в условиях модерна и постмодерна;
3. выявить отношение Русской Православной Церкви к процессам модернизации;
4. определить основные формы и методы миссионерской деятельности, выявить наличие эволюционных процессов в миссии и появление новых форм миссии;
5. исследовать основные компоненты и императивы взаимодействия Русской Православной Церкви с Российской Федерацией в институциональном измерении миссии и исследовать воздействие модернизационных процессов на международную деятельность Русской Православной Церкви в процессе взаимодействия с другими акторами мировой политики;
6. проанализировать процесс становления заграничных учреждений Русской Православной Церкви посредством теории эволюции миссии и рассмотреть степень их вовлеченности в глобальные модернизационные процессы;

7. определить институциональные формы эволюции православной духовной миссии на наднациональном уровне и степень воздействия глобальных модернизационных процессов на данные изменения.

Объект диссертационного исследования — миссионерская деятельность в условиях глобальных модернизационных процессов в контексте мировой политики. **Предметом настоящего исследования** являются проблемы эволюции православной духовной миссии под влиянием глобальных модернизационных процессов, составляющих один из самых важных трендов мировой политики, в тесной взаимосвязи с внешней политикой Российского государства.

Методологическая основа исследования построена на принципах синкретического подхода, основанного на синтезе духовного и материального начал общественного развития (что выражается в соотношении, например, Церкви и государства, веры и идеологии). Были применены такие общенаучные и специальные методы исследования, как: исторический метод, позволяющий рассмотреть этапы эволюционирования миссии; структурно-функциональный метод, который позволил изучить православную духовную миссию в комплексе ее основополагающих принципов; диалектический подход, давший возможность выявить взаимодействие теории и практики феномена духовной миссии в процессе реальной политики; метод конкретных ситуаций, применявшийся для анализа конкретных примеров, иллюстрирующих выдвигаемые в работе положения теоретического характера. Системный анализ позволил подойти к предмету исследования комплексно и многоаспектно, а также установить взаимосвязь и взаимозависимость изучаемых явлений. Кроме того, в исследовании политических проблем международных отношений и глобального развития, к каковым относятся и вопросы, изучаемые в настоящей диссертации, значительное внимание было уделено институциональному подходу. Применение его представляется вполне оправданным, учитывая значительную роль институциональной составляющей при анализе эволюции православной духовной миссии. Это послужило более полному и объективному решению задач, поставленных в диссертации.

Хронологическая фиксация политических событий, фактов и высказываний политических деятелей и церковного священноначалия позволила проследить эволюцию миссионерской деятельности Русской Православной Церкви через призму трансформации модернизационных процессов. В своем исследовании автор прибегал к богословским наукам, без понимания ряда положений которых невозможно определить миссионерский императив, порой используя их понятийный аппарат. Только такой подход позволил выявить политический ландшафт «православная духовная миссия — Российское государство — глобальные модернизационные процессы» в мировой политике.

Эмпирическая база исследования. Диссертационное исследование основано на анализе источников, отражающих историю и современное состояние миссионерской деятельности, межцерковных отношений, церковно-государственное взаимодействие на международной арене, а также отношение Русской Православной Церкви к общественно-политическим процессам в России и в мире.

Анализируемые источники представлены как в печатном, так и в электронном виде на официальных сайтах органов государственной власти Российской Федерации, Русской Православной Церкви и Святого Престола.

Проанализированные источники можно разделить на следующие группы.

1. Законодательные акты, регулирующие вопросы государственно-конфессиональных отношений и политики государства по отношению к религиозным организациям (например, Закон «О миссионерской деятельности на территории Белгородской области», 2008).

2. Официальные документы органов церковной власти и управления Русской Православной Церкви (Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (2000), Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви (2008) и Всеподданейший Отчет Обер-Прокурора Святейшего Синода (в настоящем исследовании использованы Отчеты за 1907–1908 и 1911–1912 годы), дающий представление обо всех сферах жизни и интересов Русской Православной Церкви в указанный период).

3. Заявления, выступления и обращения Патриархов Московских и всея Руси Алексия II и Кирилла (в частности, в бытность последнего Председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата) и Папы Римского Бенедикта XVI (Йозефа Ратцингера), сделанные в период с 2002 по 2011 год.

4. Материалы Российского государственного исторического архива (РГИА), использовавшиеся для изучения историко-политических аспектов темы диссертации. Это преимущественно документы, касающиеся состояния зарубежных учреждений Русской Православной Церкви в XIX веке. Архив предоставляет незаменимый исследовательский материал, так как, помимо Синодальных документов, он содержит письма и дневники людей, непосредственно участвовавших в становлении российских церковно-государственных отношений. Именно такие частные свидетельства проливают свет на детали, без знания которых бессмысленным становится изучение вопроса. Изучение современного состояния отношений Российской Федерации и Русской Православной Церкви невозможно без знания и понимания отдельных базовых предпосылок и аспектов их (отношений) формирования. Особенно это касается вопросов возвращения церковной собственности за рубежом, на котором государство настаивает более заинтересованно, нежели Церковь. Применительно к собственности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, ознакомление с завещанием и дневниками архимандрита Антонина (Капустина) дает возможность, например, обосновать сегодняшние претензии на возвращение палестинских земельных участков. Стоит отметить, что большинство документов написано на французском или английском языке, так как в XIX веке все, что касалось зарубежных Миссий и приходов, как правило, только дублировалось на русский язык для заседаний Синода.

Необходимо выделить материалы периодической печати, публикующие официальную информацию, характеризующую отдельные направления миссионерской деятельности, а также взаимодействия Российского государства и Русской Православной Церкви. Особо отметим «Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата», в котором публикуется информа-

ция обо всех событиях и направлениях в международной деятельности Русской Православной Церкви, тексты основных соглашений, посланий и проектов, которые оказывают политическое или духовное влияние на события в мире. Также важные материалы для исследования темы диссертации содержатся в «Журнале Московской Патриархии» (ЖМП), публикующем постановления Священного Синода, сведения об основных событиях в жизни Русской Православной Церкви, коммюнике международных встреч. Подробная информация, относящаяся к Московскому Патриархату и раскрывающая положение дел в русских православных приходах за границей, представлена в «Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (Москва, 13–16 августа 2000 года): сборнике докладов и документов», а также в материалах заседаний Архиерейского Собора и Священного Синода, доступных в сети Интернет за период с 2000 года.

Однако материалы РГИА касаются в основном дел Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и некоторых общих вопросов. Прочие фонды (по приходам Америки и Европы) остаются недоступными, так как находятся на секретном хранении или по сей день не разобраны (возможно, в связи с печально известным переездом архива в новое здание). Это вынудило обратиться к церковному периодическому изданию — журналу «Богословские труды». (Светские публикации на интересующие темы стали появляться совсем недавно и качество проводимых в них исследований пока довольно невысокого уровня.)

Степень научной разработанности проблемы. Для ответа на поставленные задачи потребовалось изучить широкий круг литературы, что позволило прийти к выводу, что рассматриваемые в диссертации вопросы либо вовсе не изучены, либо изучены недостаточно. Нет ни одной специальной монографии на исследуемую тему, в которой бы основательно и комплексно рассматривалась проблематика православной духовной миссии в контексте глобальных модернизационных процессов.

Основу исследования вопросов, посвященных проблемам и этапам развития общества, составили классики философии и социологии, как, например, М. Вебер (2006), Э. Дюркгейм (2008), О. Конт

(2011), К. Маркс (2010), Ф. Теннис (2002). Среди многих, теоретизирующих постмодерн и современное общество, хочется особо выделить труды Ж. Деррида (2004), Ж.-Ф. Лиотара (1988), А. Дж. Тойнби (2002), Ю. Хабермаса (2003), Ш. Эйзенштадта (1999). Немаловажным показалось различие точек зрения современных классиков на проблему реальности наступления эпохи постмодерна — так, например, Ж. Бодрийяр (2006) говорит о постмодерне как о свершившемся явлении, а Э. Гидденс (2004) указывает всего лишь на кризис модерна с прогнозом на его (кризиса) преодоление. Опыт систематизации и осмысления глобальных модернизационных процессов, представленный в трудах С. Гаврова (2010), несомненно, исключительно полезен как дающий достаточно полный аналитический обзор воззрений классиков на проблематику модернизационных процессов. Среди трудов российских авторов в контексте настоящего исследования интерес представляют труды А. Г. Дугина (1997, 2010) и А. С. Панарина (1996, 2002). Процесс глобализации и связанные с ним трансформации мирового сообщества (преимущественно политические) наиболее глубоко изучены в монографии А. И. Уткина «Глобализация: процесс и осмысление» (2002). При исследовании вопросов, связанных с российской модернизацией, безусловно, заслуживает внимания теория «волн» политической модернизации В. Лапкина и В. Пантина (2011).

Однако для нашего исследования большое значение имело определить в рамках глобальных модернизационных процессов, какую роль отводят религии в обществе постмодерна (заметим, что, безусловно, практически все исследователи, которых мы упоминаем в настоящей работе, так или иначе касались темы религии, отношение к которой является принципиальным для определения стадии общественного развития). Первую точку зрения на эту проблему представляет П. Бьюкенен в своем труде «Смерть Запада» (2003), отмечая, что секуляризация стала причиной кризиса западной цивилизации, в конечном счете приводящего ее к полному упадку. Бьюкенену в определенной степени противоречит Ф. Фукуяма (1990), считающий религию прошедшей естественный путь от общественно значимого уровня до частного, чему, заметим, на наш взгляд немало способствовала социальная доктрина Римско-

Католической Церкви. И, наконец, С. Хантингтон (2004), вторя ведущим католическим мыслителям, говорит о возрождении религии, восстанавливающей свое значение на всех уровнях жизни человека и общества. Достаточно интересными и стоящими особняком нам представляются воззрения на указанную проблему А. Кырлежева (2004), хотя они и перекликаются с мыслями С. Хантингтона.

Среди исследований, посвященных проблематике формирования «человека постмодерна» в России, выделяется хрестоматия игумена Вениамина (Новика) «Права человека и религия» (2001). Хрестоматия интересна подбором авторских точек зрения на возрождение Русской Православной Церкви в России: от острожно-положительной до крайне негативной. Воззрения Русской Православной Церкви на религиозно-правовую проблему лучше всего отражены в докладах 2000–2008 годов тогда еще Председателя Отдела внешних церковных связей митрополита Смоленского и Калининградского, а ныне Святейшего Патриарха Кирилла. Он же довольно подробно излагает основные принципы миссионерской деятельности Русской Православной Церкви как основного метода международной церковной деятельности.

Стоит отметить, что православная миссиология как наука (и в церковном, и в светском ее понимании) пока не была в достаточной, учитывая актуальность миссии, степени теоретизирована. Безусловно, это не означает, что исследователи не предпринимали никаких разработок в данной области. Разумеется, в советский период такие исследования не приветствовались, но до 1917 года мы можем выделить довольно интересный пласт литературы. Полезным для ознакомления нам представляется труд архимандрита Макария (Глухарева), бывшего миссионером на Алтае, «Мысли о способах к успешному распространению христианской веры в Российской державе» (1894), представляющий собой, пожалуй, один из немногих по-настоящему разработанных и детализированных проектов для миссионеров. Еще одним опытом таких разработок стала монография иеромонаха Дионисия (Валединского) «Идеалы православно-русского инородческого миссионерства» (1901), на основании анализа деятельности различных миссий предлагает свое видение устройства миссии.

При изучении вопросов, поставленных в настоящем исследовании, использовался большой пласт трудов исторического характера. Круг проблем этих исследований довольно широк. Во-первых, православная миссионерская деятельность и ее богословское и историческое обоснование — например, работы иеромонаха Иннокентия (Павлова) (1987), священника Владислава (Цыпина) (1986). Во-вторых, роль Русской Православной Церкви в истории государств и регионов: исследования архимандрита Августина (Никитина) (1990, 1999), Ю. М. Кобищанова (1999), священника Александра Кожы (1987), К. Е. Скурата (1987) и других авторов.

История миссионерского служения дает нам хорошую возможность проследить путь становления этого вида деятельности, а также сопоставить характеристики миссии, существовавшие в разные периоды общественного развития. Так, например, ярчайшим произведением в этом контексте нам представляется «Очерк исторического развития и современного состояния Русской Православной Миссии» протоиерея Евгения Смирнова (1904), в котором не только представлена систематизированная картина развития миссии, но и проанализированы ее удачи и промахи. Однако, несмотря на явное наличие трудов по миссиологии у дореволюционных авторов, нам не удалось найти ничего, что характеризовало бы миссию в условиях модерна (даже учитывая разницу терминологии спустя 100 лет). Возможно, это связано с тем, что миссиология как предмет и как наука в Российской империи еще не была сформирована. Это была сфера практической деятельности, которую систематизировали, описывали, но не более.

Сегодня, когда доступны многие материалы по истории и (иногда) по теории миссии, издаются и различные труды, представляющие собой попытку систематизировать накопленный опыт миссионерской деятельности и перевести его в теоретическое русло. Особо отметим самую, на наш взгляд, близкую по смыслу нашему исследованию монографию Иакова Стамулиса «Восточно-православное богословие миссии сегодня» (опубликованный в сборнике «Православная Миссия сегодня» (1999)).

Также интерес представляют труды греческого богослова и ныне Предстоятеля Албанской Православной Церкви Анастасия Яннула-

тоса, который большое внимание в своих работах уделяет проблематике миссии. Среди зарубежных исследователей также заслуживают внимания труды протоиерея Иоанна Мейендорфа (1995–2001), в которых можно найти и онтологическое объяснение природы взаимоотношений Русской Православной Церкви и Российского государства. Эту же проблему наиболее ясно освещают труды протоиерея Василия Федорова (1999, 2000), И. Стамулиса (1999). Эти монографии и статьи отражают весь спектр вопросов миссиологии: от богословского обоснования миссии до политического подхода к ней. Немалую долю внимания богословским и философским (онтологическим) аспектам церковно-государственного сотрудничества и общественной жизни уделяет в своих многочисленных монографиях диакон Андрей Кураев (1997–2003). Важно отметить и вклад председателя Миссионерского Отдела при Священном Синоде Русской Православной Церкви, епископа Белгородского и Старооскольского Иоанна (Попова) в теоретические разработки в миссиологии: в его работе «Миссия Церкви в православном понимании: экклезиологические и канонические обоснования» (1996), а также многочисленных статьях представлены интересные и всесторонние размышления о миссии и формах ее существования.

Среди монографий по истории Церкви, послужившей важной базой для глубокого осмысления внутрицерковных процессов, влиявших на церковно-государственные отношения, следует отметить труд митрополита Макария (Булгакова) «История Русской Церкви» (1995), монографию Н. Д. Тальберга «История Христианской Церкви» (2001). Русское паломничество освещено в уникальных работах профессора А. А. Дмитриевского «Современное русское паломничество в Святую Землю» (1903) и А. И. Пыпина «Древнерусское паломничество» (1896), а также в описаниях странствий древнерусских путешественников. Но труды профессора Дмитриевского, А. И. Пыпина и других авторов, написанные еще в конце XIX – начале XX века с позиций, не всегда совпадающих с воззрениями самой Церкви на проблематику паломничества сегодня. Тем не менее, эти работы заслуживали самого тщательного изучения, так как в них содержатся самые обстоятельные сведения по истории паломничества и зарождению русского православного миссионерства.

Систематизированная история Русской Духовной Миссии в Иерусалиме представлена в исследовании митрополита Никодима (Ротова) «История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме» (1979) и статье игумена Марка (Головлева) (1999) с аналогичным названием. Митрополит Никодим был Начальником Иерусалимской Миссии, а игумен Марк долгое время состоит в ее клире, поэтому их работы отличаются глубоким знанием вопроса. Кроме того, митрополит Никодим в своем очерке приводит весьма любопытные сведения о жизни и работе в эмигрантской среде, а также о служении одного из самых выдающихся Начальников Миссии — архимандрита Антонина (Капустина), — что тоже необходимо было изучить в соответствии с задачами настоящей диссертации.

Труды, относящиеся к послереволюционному (с 1917 года) периоду в России, посвящены, как правило, расколам (монография С. В. Троицкого, например, «О неправде Карловацкого раскола» (1960)) и чрезвычайно тяжелому положению Церкви. У наиболее ранних из таких исследований есть одно несомненное достоинство — они написаны непосредственно во время событий или вскоре после них, но именно это порождает и недостаток, связанный с тем, что многие факты церковной и государственной жизни тех лет стали известны только на рубеже XX–XXI веков, а в условиях советской идеологии не было возможности вести открытую полемику. Недостаток этот устраняется уже в современных монографиях и статьях. Из материалов, опубликованных за последнее десятилетие, хотелось бы особо отметить несколько: монографии протоиерея Георгия Митрофанова «История Русской Православной Церкви (1900–1927)» (2003), священника А. Николина «Церковь и государство» (1997) и С. Л. Фирсова «Русская Церковь накануне перемен. Конец 1890-х – 1918 гг.» (2001), а также «История Русской Православной Церкви. 1917–1990» (1994) протоиерея Вячеслава Цыпина.

Автор диссертации критически оценивал взгляды и конкретные факты, содержащиеся в церковных изданиях и богословских трудах, понимая, что в ряде случаев философские и религиозные воззрения их авторов не соответствуют методологическим и методическим подходам, применяемым в настоящем исследовании. Введение в научный оборот многих данных, ранее неизвестных

или малоизвестных, и высказываний церковного священноначалия и богословов, составляет один из важных структурных элементов настоящей диссертации. Широкое использование официальных документов и материалов Русской Православной Церкви при освещении изучаемых вопросов на основе применяемых современных исследовательских принципов позволяет впервые сформулировать научно обоснованные, достоверные, аргументированные и обстоятельно доказанные выводы об эволюции миссионерской деятельности под влиянием внешних факторов (в первую очередь, глобальных модернизационных процессов).

Таким образом, изучение трудов по проблематике как глобальных модернизационных процессов, так и миссионерской деятельности, позволяет констатировать, что научной литературы, в которой бы теоретизировался опыт миссии через призму глобальных модернизационных процессов, не существует, что, безусловно, является основанием для исследований в этой области.

Что же касается истории формирования вопросов, затрагиваемых в настоящем исследовании, то первая глава посвящена подробному ее рассмотрению.

Основные результаты исследования и их научная новизна заключаются также в следующих положениях:

- впервые проведены теоретически обоснованные разграничения миссионерской деятельности в условиях модерна и постмодерна;
- доказана мирополитическая активность миссии в условиях постмодерна;
- разработан методологический инструментарий для политологического исследования миссионерской деятельности религиозной организации в исторической модернизационной ретроспективе (премодерн, модерн, постмодерн);
- определена степень эффективности миссионерской деятельности Русской Православной Церкви для укрепления и развития модернизационного статуса Российской Федерации на международной арене;
- дана авторская классификация миссионерской деятельности в условиях стадийного развития мировых модернизаци-

онных процессов («миссия премодерна», «миссия модерна» и «миссия постмодерна»);

- впервые в понятийный аппарат политической науки вводятся как характеризующие самостоятельные формы миссии понятия «миссия среди мигрантов» и «миссия на оккупированных территориях» для комплексного исследования феноменологических особенностей современной миссионерской деятельности;
- определены типологические особенности («внутренняя резистентность») отношения религиозных общин к модернизации;
- выявлены проблемные точки во взаимодействии Русской Православной Церкви и Российского государства в контексте миссионерской деятельности;
- представлено авторское видение перспектив миссионерской деятельности в условиях постмодерна;
- доказана важность института представительств Русской Православной Церкви для структурного укрепления миссии как актора мирополитических взаимодействий в условиях постмодерна.

В совокупности все эти концептуальные идеи составляют новое научное направление, в основе которого неизменное сочетание анализа миссионерской деятельности Церкви и глобальных модернизационных процессов, оказывающее мощное влияние на формирование теории и практики мировой политики, в том числе на процесс становления и развития ее транснациональной среды.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Православная духовная миссия — активный актор мирополитических процессов в их модернизационном варианте XXI века, и от миссионерской деятельности во многом зависит утверждение принципов гуманизма, солидарности и взаимного уважения в международных отношениях эпохи постмодерна. Миссия как институциональная форма миссионерской деятельности постоянно эволюционирует под влиянием процессов модернизации (под влиянием внешних факторов): миссионерский императив неизменен — меняется лишь форма под воздействием изменений в обществе.

2. Модернизационный характер международной деятельности Русской Православной Церкви проявляется в развитии и укреплении института представительств, что дало мощный толчок эволюции православной духовной миссии, которая приобрела важный инструмент для адекватных ответов на вызовы современной цивилизации постмодерна. Появление и укрепление представительств как эволюционной формы миссии в глобальном масштабе, который диктует ситуация постмодерна, подтверждает, что для Церкви постмодерн состоялся.

3. Глобальные процессы в сфере религиозной жизни (то есть паломничество как импорт и экспорт ценностей, обмен ими и их трансформация, адаптация в православном сообществе) укоренились и усложнились в XXI веке. Глобализация как импорт и экспорт ценностей не является для Церкви чем-то новым или необычным (так как подобный импорт — это всегда своего рода миссия).

4. Концептуальные положения о внутренней резистентности Православия как вероучения к экспортируемым современному и постмодерну ценностям и нормам нашли практическое воплощение в современных формах паломничества как одного из самых древних проводников духовной миссии. В качестве одной из форм реакции на глобализацию паломничество используется и сегодня как Церковью (которая с этим процессом столкнулась уже, как мы видим, давно на локальном уровне), так и государством. Но, учитывая неизменность норм и ценностей в Православии на протяжении веков, мы можем говорить о внутренней резистентности Православия как вероучения к экспортируемым современному и постмодерну ценностям и нормам.

5. В постмодернистский период развития современной цивилизации миссия вбирает в себя новые методологические основания, связанные с необходимостью адекватной реакции на характеристики современной личности. Личностное направление миссии (наиболее естественное и возможное) в постмодерне трансформируется в личностно-наднациональное, то есть миссия перестает исчерпываться обращением к личности, так как человек начинает идентифицировать себя как «общество» или даже «человечество», и миссия обращается к идентификатору, стремясь донести себя до личности.

Эволюционный характер миссии привел к появлению новых форм миссионерской деятельности: одной институциональной — представительства при международных организациях, и двух смысловых — «миссии среди мигрантов» и «миссии на оккупированных территориях».

6. Миссия в ситуации постмодерна — это не попытка обратиться в свою веру, а стремление рассказать о своей вере, возможно, с целью поиска общих ценностных норм, позволяющих противостоять тенденциям, как несомым ситуацией постмодерна, так и являющимся наследием модерна. В XXI веке миссия выступает как системообразующий фактор в формировании транснациональной среды мировой политики.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты создают целостное представление и способствуют развитию общего понимания роли и места православной миссионерской деятельности в контексте глобальных модернизационных процессов. Основные его положения могут рассматриваться как новое направление в политической науке, внося свой вклад в теоретическую разработку концепций, касающихся взаимодействия Русской Православной Церкви и Российского государства. Были выявлены общие механизмы такого взаимодействия, основывающиеся на миссионерской деятельности, и предложен особый подход к проблеме православной духовной миссии посредством нового понимания самого процесса миссии, основанного на эволюции последней под влиянием глобальных модернизационных процессов.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования основных положений работы, теоретического и фактического материала в подготовке специальных курсов в высших учебных заведениях. Материалы диссертации могут найти практическое применение как в Министерстве иностранных дел Российской Федерации, так и в Отделе внешних церковных связей Русской Православной Церкви. Выводы, содержащиеся в работе, могут быть использованы для дальнейших концептуальных разработок по методологии миссионерской деятельности и роли религии в ситуации постмодерна. Кроме того, полученные результаты способствуют лучшему пониманию проблемы международной дея-

тельности, роли и места Русской Православной Церкви в системе современных международных связей, что может быть использовано при разработке внешнеполитических инициатив государств (в политическом планировании), входящих в каноническую территорию Русской Православной Церкви.

Апробация и публикация материалов исследования.

1. Материалы исследования были частично апробированы при соисполнении Гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых — кандидатов наук (Конкурс — МК-2009) «Роль России в концепции “Нового Севера”» (МК-3683.2009.6. Область знаний: 6, Общественные и гуманитарные науки) и гранта Российского гуманитарного научного фонда «Роль и место России в формировании арктической политики» (номер проекта 10-03-00464а).

2. Основные положения диссертации были представлены в 2009 и 2010 годах в Санкт-Петербургском государственном университете на Ежегодных научных конференциях «Религии в современной системе международных отношений» (организатором которых автор является на протяжении шести лет), в 2009 году на научно-богословской конференции «Богословское наследие митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима» в Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии, в 2010 году на VII Знаменских образовательных чтениях в Великом Новгороде.

3. Материалы диссертации легли в основу курса лекций «Международная деятельность Русской Православной Церкви на современном этапе» (Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра мировой политики).

4. Опубликовано 15 работ по проблематике исследования: из них три монографии (одна в соавторстве) и восемь статей в журналах, рецензируемых ВАК РФ.

Структура диссертации. Материалы диссертации изложены на 306 страницах машинописного текста. Работа состоит из введения, обзора литературы, результатов собственных исследований, изложенных в 3 главах (6 параграфах), заключения, списка использованных источников и литературы и словаря использованных в работе богословских терминов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается научная актуальность темы диссертации, характеризуется степень разработанности проблемы и источниковая база исследования, определяется объект и предмет исследования, формируется его цель и решаемые задачи, излагаются исходные теоретико-методологические позиции автора, раскрывается научная новизна и практическая значимость работы, приводятся основные положения, выносимые на защиту, кратко характеризуется апробация результатов исследования и структура диссертации.

Первая глава — «Модернизация как направление развития современного общества» — включает в себя два параграфа и посвящена анализу теории глобальных модернизационных процессов в развитии, а также роли и месту Русской Православной Церкви, отводимому последней ситуациями модерна и постмодерна, так как именно модернизация является тем основополагающим фактором, вследствие которого российское, например, общество приобретает черты, зачастую кажущиеся для него нетипичными, нетрадиционными. И основным вопросом первой главы является: модернизация и духовная (религиозная) составляющая жизни общества призваны к противостоянию или могут органично сосуществовать в рамках политической системы и общественной жизни, этой системой навязываемой?

В первом параграфе **«Общая характеристика модернизационных процессов»** рассматриваются различные аспекты становления и понимания феномена модернизации в современном научном и политическом дискурсе. Тогда как политические круги говорят о модернизации как об обновлении существующей экономической и/или технологической базы, основная полемика среди теоретиков модернизационных процессов разворачивается на данном этапе вокруг вопроса: «А состоялся ли и завершился ли модерн?».

Исследователи первой группы (самым ярким и цитируемым из которых мы позволим себе назвать Бодрийяра) говорят о завершенности модерна, так как все, с чем были призваны бороться его идеи, повержено, и модерн трансформируется в постмодерн, который является в определенной степени «критикой модерна» и изменяет сознание людей в сторону размытости сознания и ухода в бессознательное, не имея в себе никакой созидательной силы. Вторая группа исследователей (преимущественно Ю. Хабермас) утверждают, что, так как процессы модернизации не завершены и сам модерн не может завершиться, а постмодерн (в этом аспекте) — не более чем форма модерна, кризис, который модерн обязательно преодолевает (Э. Гидденс). Допускается в одном обществе сочетание ценностей премодерна, модерна и постмодерна (разница только в том, принимает общество форму или сущность одного из этапов модернизации), что во многом определяется несколькими направлениями / моделями, главное в которых — органическая это модернизация (принадлежащая странам цивилизации модерна — Западная Европа и Соединенные Штаты Америки) или неорганическая («догоняющая»). Характерным явлением глобальных модернизационных процессов стала глобализация как следствие последних, появившееся для экспорта идей и ценностей цивилизации модерна (или общества постмодерна).

Учитывая приведенные выше факторы и позволив себе согласиться с точкой зрения первой группы исследователей (модерн завершился, наступила эпоха постмодерна), мы определили, что в худшем, «усредненном» варианте представляет собой человек постмодерна, к которому обращена проповедь современного миссионера: склонный к анархии (исключению государства как формы ограничения личности) индивид, критерием интеллекта для которого являются деньги (как отражение следствия интеллекта — успеха, по версии постмодерна), готовый для получения последних на смешение и использование самых разных методов и способов, и для которого истина — это категория из разряда «все так говорят», что позволяет ему быть легко управляемым посредством средств массовой информации. Человек постмодерна становится настоящей проблемой прежде всего для государства, так как, в отличие от че-

ловека модерна (который трансформировал империи в национальные государства), он тяготеет к наднациональным структурам или отсутствию таковых вообще. Это затрудняет привлечение граждан к делу государственного строительства, что крайне негативно влияет даже на модернизационные процессы, осуществляемые не посредством импорта идей и ценностей модерна / постмодерна. Что касается российской специфики, то модернизационные процессы в России всегда имели три характерные черты, актуальные по сей день: отсутствие четкой стратегии и тактики модернизации, устойчивое сопротивление ей общества и государство как единственный инициатор модернизации. А так как политические элиты продолжают оставаться инициаторами модернизации, современная ее направленность («волна») зависит от их выбора: предполагается ли модернизировать «историческую Россию», или на ее основе строить новое образование, не имеющее ничего общего с предыдущими веками истории. В случае выбора первого пути Русская Православная Церковь будет серьезным союзником (так как игнорировать Православие на нем невозможно).

Второй параграф «Православие и модернизация» посвящен отношению Русской Православной Церкви к процессу модернизации, которое мы квалифицируем как неоднозначное: с одной стороны, ценности модерна и, тем более, постмодерна для Церкви неприемлемы; с другой — Церковь не дает официального определения (Соборного уложения, например) апостасии (последнего этапа земного существования Церкви Христовой) или постмодерна как ее исторического периода, так как человек постмодерна, с точки зрения Церкви, привыкший к подчинению свободной воли навязанному «общественному» мнению, нуждается в поддержке и возможности реализовать себя как творение Бога, наделенное свободной волей (что наиболее эффективно осуществлять при помощи миссии). Поэтому вместо одного масштабного документа Церковь предлагает варианты существования в пространстве постмодерна (объединение в рамках надгосударственной и наднациональной цивилизации, определяющим для которой является принадлежность к Православной Церкви). Потенциал Русской Православной Церкви к участию в модернизационных процессах ограничивается самой

Церковью в «Основах социальной концепции» и характеризуется вариантом отношения к ее участию в этих процессах. Православие «ресурсом» модернизации быть не может, так как модернизация — деятельность земная и преходящая (к которой вера отношения не имеет), но вполне может стать ее основой, сделав базисом модернизации вековые ценности и нормы, хранительницей которых выступает Русская Православная Церковь. И учитывая неизменность норм и ценностей в Православии на протяжении веков, мы можем говорить о внутренней резистентности (термин, вводимый в настоящем исследовании для определения данного явления) Православия к экспортируемым современному и постmodernному ценностям и нормам. В этой связи интересным представляется также потенциал Православия к формированию национальной идеи (без которой в России невозможны модернизационные процессы по первому пути, не подвергающие общество угрозе оказаться «обществом без прошлого»). Речь не идет о доминировании одной «государственной» религии, но о консолидации традиционных религий вокруг одной, исторически наиболее приемлемой и оправданной (для государственного и общественного строительства, жизненно важного для России сегодня), что позволит углубить межконфессиональный и межрелигиозный диалог и выработать единую стратегию ответа вызовам современности и постmodernности, так как «духовную безопасность» общества все чаще включают в понятие «национальной безопасности».

Что касается собственных основополагающих интересов Русской Православной Церкви на международной арене можно выделить четыре направления: сохранение церковного единства и забота о диаспоре; взаимосвязи с Православными Поместными Церквями; взаимодействие с инославным христианством и другими религиями; сотрудничество с государственными властями и международными организациями. В рамках этих направлений Русская Православная Церковь особое внимание уделяет таким проблемам мировой политики, как процессы глобализации и секуляризации, концепция прав и свобод человека, межкультурный диалог, миротворчество, то есть тем направлениям, на которые ситуации современности и постmodernности повлияли и влияют особенно сильно. В частности, в последние годы предложен православный взгляд на первоначально

разработанную в рамках «органического модерна» концепцию прав человека, вносящий в нее нравственное измерение. При детальном рассмотрении вышеуказанных направлений мы определили, что все они существенно влияют на формирование «православной» или «восточноправославной цивилизации», которая предлагается Церковью как одна из альтернатив ситуациям постмодерна и модерна, так как православные ценности защищены внутренней резистентностью. Но для практического осуществления международной деятельности Церкви все же необходимо активное сотрудничество с государством, в случае Русской Православной Церкви — с несколькими государствами и их внешнеполитическими ведомствами. В условиях постмодерна, когда государства часть полномочий передают международным организациям, Церковь считает насущной необходимостью наблюдать за их внешнеполитической деятельностью и вести прямой диалог с международными организациями, защищая свои традиционные ценности и интересы своей паствы, стараясь препятствовать принятию международных норм, противоречащих христианским принципам. И на сегодняшний день именно эволюционировавшая миссионерская деятельность является наиболее успешным методом донесения до мирового сообщества позиции Церкви по различным вопросам.

Вторая глава — «Теоретические аспекты миссионерской деятельности» — состоит из двух параграфов и посвящена теоретическому обоснованию эволюции миссии с необходимым для полноценного исследования рассмотрением основ церковно-государственного взаимодействия в институциональном измерении миссионерской деятельности.

В первом параграфе «Методология православной миссии на современном этапе» доказывается положение, что миссия в современном мире — не только и не столько стремление обратиться в свою веру, сколько стремление рассказать о своей вере, найти точки соприкосновения с другими. Но достаточно серьезной проблемой для современного миссионера является поиск оптимального сочетания формы миссии и ее содержания, то есть доступное включение религиозных ценностей в конкретную форму проповеди. Современную миссию можно условно разделить на два этапа: «про-

буждение веры» и катехизацию, которые предполагают последовательное вовлечение человека в церковную жизнь. Основываясь на том очевидном факте, что в определении метода чаще всего важную роль играет цель миссии (и наоборот), мы разработали авторскую классификацию миссионерской деятельности, основывающуюся на четырех теоретических подходах, упрощающих системное понимание процессов, происходящих в сфере миссиологии: организационном (информационное и организационное направления миссии), географическом (внутренняя и внешняя миссии), территориальном (миссия в городе, деревне и миссия среди мигрантов) и методологическом (методы: инкарнационный, личного присутствия, политический, социальный евангелизм). Также была выделена как самостоятельная форма миссионерской деятельности, не попадающая ни в один из перечисленных подходов, «миссия на оккупированных территориях». Учитывая специфику всех трех первых подходов, можно утверждать, что они — прямое следствие эволюции миссионерской деятельности, вызванной процессами модернизации в мире и в России. Основываясь на этом положении, представилось возможным развить теорию эволюции миссии, которая заключается в том, что миссия не имеет внутреннего императива к эволюции, так как императив миссии всегда один — проповедь, а основывается на изменении ценностных ориентиров общества, реакции на них, то есть является изменением внешнего императива (не всегда зависящего от Церкви), но не содержания. Таким образом, эволюция миссии — это эволюционные изменения формы миссионерской деятельности при неизменном содержании и цели последней. Посредством эволюции появляются новые формы и методы миссии — «миссия среди мигрантов» (включена в территориальный подход классификации) и «миссия на оккупированных территориях», впервые выделенные нами как отдельные формы миссионерской деятельности, со своими методами и особенностями.

На основании теории эволюции миссии и классификации миссионерской деятельности была создана эволюционная система: применяя к основным признакам ситуаций преמודерна, модерна и постмодерна подходы к миссионерской деятельности (и их направления), мы получили возможность определить, на какой из ста-

дий (премодерн, модерн или постмодерн) находится общество или к какой стадии оно тяготеет в большей степени, и методологически классифицировать миссию как «миссию премодерна», «миссию модерна» и «миссию постмодерна». Через призму данной теории мы также рассмотрели зависимость этапов развития общества от информатизации последнего и от глобальных процессов.

Во втором параграфе — «Основы церковно-государственного взаимодействия в институциональном измерении миссии» — возможности использования Церкви государством были рассмотрены на двух уровнях — региональном и глобальном (формирование имиджа как его основа), — вследствие чего стало очевидным, что эволюция коснулась и институционального измерения миссии. На сегодняшний день в систему зарубежных учреждений Московского Патриархата входят церковно-административные единицы (епархии и благочиния), приходы и монастыри, а также Миссии (в институциональном значении), представительства и подворья в дальнем зарубежье. Ранее их деятельность координировалась только Отделом внешних церковных связей, в компетенцию которого входит реализация международной деятельности Церкви. Теперь они напрямую подчиняются Патриарху, а организационная основа их деятельности обеспечивается недавно созданным Секретариатом по зарубежным учреждениям. Мы предположили, что представительства — это эволюционная форма Миссий, вызванная ситуацией постмодерна. Действительно, Миссии и представительства различаются целями, для достижения которых они были созданы. Так, если у Миссии главной целью обычно являлось дальнейшее распространение христианства и создание новых Поместных Церквей, то представительства создаются для противостояния некоторым мировым тенденциям, вызывающим серьезное беспокойство Церкви, способным привести к подавлению христианских ценностей и дискриминации христиан, то есть представительство — это и есть ответ на ситуацию постмодерна, новая форма зарубежных учреждений, созданная с целью налаживания диалога с мировой общественностью, защитой традиционных ценностей на международном уровне, доведения до международных организаций и властей иностранных государств мнения Русской Церкви по актуальным вопросам.

Деятельность представительств может содействовать достижению внешнеполитических целей (в том числе, государственных) не только России, но в какой-то степени и Украины, Молдовы, Белоруссии. Взаимодействуя с зарубежными СМИ и институтами гражданского общества, представительства могут способствовать преодолению стереотипов и предрассудков в отношении Православия и стран «Русского мира», создавая более благоприятный образ их в мире. И хотя цели Миссии и представительств, на первый взгляд, различны, в долгосрочной перспективе их деятельность объединяет одна главная цель — свидетельство о Православии и укрепление Церкви. То есть их миссионерский императив неизменен — изменилась форма под воздействием изменений в обществах, что соответствует теории эволюции миссии.

Третья глава — «Институциональный фактор в теории эволюции миссии» — включает два параграфа и посвящена исследованию практического, внешнего аспекта эволюции миссии, так как мы отметили ранее, что миссия эволюционирует именно внешне. Основное внешнее выражение ее эволюции — институциональное, характеризующееся наличием различных церковно-административных единиц, отвечающих за миссионерскую деятельность в самых разных ее выражениях, важнейшими из которых являлись Миссии, которые постепенно замещаются представительствами.

В первом параграфе, «Миссия как результат становления зарубежных учреждений Русской Православной Церкви», процесс эволюции Миссии в представительство рассматривается через призму глобальных процессов, которые в сфере религиозной жизни начались задолго до эпохи Просвещения (которая, в отличие от постмодерна, представляется, скорее, как проект, а не естественное течение и развитие хода истории). Таким образом, глобализация как импорт ценностей не является для Церкви чем-то новым или необычным. Паломничество в качестве одной из форм ответа, реакции на глобализацию (которая, кроме того, осуществляла функции импорта идей и ценностей задолго до ситуации постмодерна) продолжает использоваться и сегодня как Церковью (которая с этим процессом столкнулась уже, как мы видим, давно), так и государством, так как российские элиты все еще находятся

в стадии выбора между модернизацией, ее имитацией и построением совершенно нового государства и общества. Возможно, именно раннее вовлечение Церкви в глобальные процессы привело к тому, что Русская Православная Церковь развивала свои зарубежные учреждения таким образом, что они смогли не только успешно эволюционировать без ущерба традиции, но и сохранить различные формы миссии, характерные для всех трех ситуаций модернизации: премодерна, модерна и постмодерна. Миссионерский же императив при всех трансформациях остается неизменным: Московская Патриархия не видит причин для каких-либо нововведений, касающихся целей и задач работы миссионеров (напротив, указывает на постоянство миссионерского императива). В данном параграфе на основе практических примеров доказывается, что Миссия как институциональная форма миссионерской деятельности постоянно эволюционировала под влиянием процессов модернизации: сначала зарубежные приходы были разделены по категориям, затем часть из них трансформировалась в Миссии с разным подчинением, а на сегодняшний день Миссия как институциональная форма уступает место представительствам, которые, по сути, тоже могут быть классифицированы как форма миссии — только в глобальном масштабе, который диктует ситуация постмодерна. И на этапе постмодерна миссия эволюционировала настолько, что в миссионерскую деятельность напрямую включаются главы Церквей — это совершенно новое направление свидетельства.

Второй параграф, «Представительства Русской Православной Церкви — миссия в ситуации постмодерна», посвящен непосредственно представительствам как самой новой и перспективной на сегодняшний день форме эволюции миссии. Условное разделение зарубежных представительств Русской Православной Церкви на три группы — представительства при международных организациях, представительства в иностранных государствах и представительства при Поместных Православных Церквях — позволило констатировать, что вторая и третья группы могли возникнуть и в ситуации модерна (как, собственно, и произошло), но первая группа — исключительно «постмодернистское» явление. А появление Комитета представителей Православных Церквей при

Европейском союзе позволило «смоделировать» ситуацию, в которой Православные Церкви выступают как Единая Вселенская Церковь. В этом и заключается основной положительный аспект постмодерна: Церкви вынуждены сближаться, и некоторые вопросы, бывшие сложными для обсуждения, отходят на второй план в свете происходящего в мире. (Это подтверждает и ситуация с отношениями между Русской Православной и Римско-Католической Церквями.) Но все же представительства продолжают ту линию «политической активности», которую начали Миссии: деятельность представительств в определенной степени способствует внешнеполитическим стремлениям России, вносит ценностное измерение в ее диалог со странами ближнего зарубежья, иностранными государствами и международными организациями, что создает основу для более эффективного сотрудничества и в других сферах. Например, представительства уже внесли свой вклад в развитие двусторонних отношений России с Советом Европы, ЕС, Германией, через российские делегации или собственные усилия начали оказывать влияние на разработку норм международного права, в том числе в ООН, Совете ООН по правам человека, Совете Европы. Результаты их работы также способствуют улучшению образа России, других восточноевропейских стран и Православия за рубежом, поскольку представительства предоставляют о них объективную информацию, стараясь содействовать этим преодолению стереотипов. Интересам России, несомненно, соответствует и постоянная защита представительством Русской Православной Церкви прав и интересов русскоязычного населения стран Европы. Кроме того, такая роль представительств уже не замалчивается, что демонстрирует отход от модернистской трактовки постулата об отделении Церкви от государства.

Таким образом, в целом мы можем утверждать, что эволюция миссии на современном этапе является реакцией на кризис модерна и на ситуацию постмодерна. Действительно, при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что голоса Церквей становятся все более отчетливыми в той системе международных связей, которая сложилась в последние годы. И связано это именно с ситуацией постмодерна, который самостоятельно предложить какого-либо развития не может, поэтому общества, с нашей точки зрения, неиз-

менно столкнутся с ситуацией, когда «симулировать» модерн будет невозможно, а стремление к дальнейшему развитию будет сохраняться. Ради этого момента фактически и существуют представительства как трансформировавшие свою форму Миссии, сохранив миссионерский императив, но выйдя с ним на глобальный уровень.

В **Заключении** изложены основные итоги исследования.

1. Исходя из изученного материала и основываясь на исследовании трансформаций миссионерской деятельности, возможно утверждать, что постмодерн состоялся, причем состоялся как самостоятельный этап развития общества, что демонстрирует, в том числе, трансформация миссионерского поля, происходящая вследствие появления «человека постмодерна», который не имеет того опыта духовной жизни, как, например, его предок или современник, находящийся в ситуации премодерна (это связано с тем, что постмодерн вовлекает человека в образовательный процесс, направленный на освоение технических знаний, естественно приводящий к недостаточной развитости духовной сферы), что и приводит к явным трансформациям миссионерской деятельности. Однако общества, в которых традиционные религии даже в эпоху модерна играли значительную роль, обладают внутренней резистентностью к ценностям и нормам, импортируемым глобализацией.

2. Современный этап российской модернизации зависит от выбора политических элит: предполагают ли они модернизировать «историческую Россию», или строить новое образование на ее основе, которое не будет учитывать предыдущий российский опыт развития. В случае выбора первого пути игнорировать Православие представляется нецелесообразным.

3. Потенциал Русской Православной Церкви к участию в модернизационных процессах ограничивается самой Церковью в «Основах социальной концепции» и характеризуется вариантом отношения к ее участию в этих процессах. Вместо одного масштабного документа, могущего характеризовать отношение к модернизационным процессам, Церковь предлагает варианты существования в пространстве постмодерна (объединение в рамках надгосударственной и наднациональной цивилизации, определяющим для которой является принадлежность к Православию). И основопола-

гающие интересы Русской Православной Церкви (сохранение церковного единства и забота о диаспоре; взаимосвязи с Православными Поместными Церквями; взаимодействие с инославным христианством и другими религиями; сотрудничество с государственными властями и международными организациями) существенно влияют именно на возможное формирование «православной» или «восточно-православной цивилизации», которая предлагается Церковью как одна из альтернатив ситуации постмодерна и глобализации как экспортирующей ценности модерна, так как православные ценности защищены «внутренней резистентностью».

4. Миссия (и православная в том числе) в современном мире — не только и не столько стремление обратить в свою веру, сколько стремление рассказать о своей вере, найти точки соприкосновения с другими, что является прямым следствием ситуации постмодерна, в которой представителям различных групп (этнических, религиозных и т. п.) зачастую важно просто найти возможность жить рядом.

5. Миссия не имеет внутреннего императива к эволюции, так как императив миссии всегда один — проповедь, а основывается на изменении ценностных ориентиров общества, реакции на них, то есть является изменением внешнего императива (не всегда зависящего от Церкви), но не содержания. Таким образом, эволюция миссии — это эволюционные изменения формы миссионерской деятельности при неизменном содержании и цели последней. Посредством эволюции появляются новые формы миссии — «миссия среди мигрантов» (включена в территориальный подход классификации) и «миссия на оккупированных территориях», а методологически мы классифицируем миссию как «миссию премодерна», «миссию модерна» и «миссию постмодерна».

6. Миссия как институциональная форма миссионерской деятельности постоянно эволюционировала под влиянием процессов модернизации: сначала зарубежные приходы были разделены по категориям, затем часть из них трансформировалась в Миссии с разным подчинением, а на сегодняшний день Миссия как институциональная форма уступает место представительствам, которые, по сути, тоже могут быть классифицированы как форма миссии — только в глобальном масштабе, который диктует ситуация постмо-

дерна. Так, если у Миссии главной целью обычно являлось дальнейшее распространение христианства и создание новых Поместных Церквей, то представительства создаются для противостояния некоторым мировым тенденциям, вызывающим серьезное беспокойство Церкви, способным привести к подавлению христианских ценностей и дискриминации христиан, то есть представительство — это и есть ответ на ситуацию постмодерна, новая эволюционная форма зарубежных учреждений, созданная с целью налаживания диалога с мировой общественностью, защитой традиционных ценностей на международном уровне, доведения до международных организаций и властей иностранных государств мнения Русской Церкви по актуальным вопросам. Деятельность представительств может содействовать достижению внешнеполитических целей (в том числе, государственных) не только России, но всех государств, которые входят в каноническую территорию Русской Православной Церкви.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих научных работах автора:

Монографии

1. *Церпицкая О. Л.* Взаимодействие Русской Православной Церкви и Российского государства в мировом сообществе. — СПб.: СПбГУ, 2006. — 172 с. (10,1 п. л.)

2. *Церпицкая О. Л., Зеленева И. В., Маркушина Н. Ю.* Исследование роли региональной компоненты в формировании внешней политики Российского государства. — СПб.: СПбГУ, 2009. — 134 с. (8,5 п. л. / 3 п. л.).

3. *Церпицкая О. Л.* Православная духовная миссия и глобальные модернизационные процессы. — СПб.: СПбГУ, 2011. — 248 с. (15,5 п. л.).

Научные статьи

4. *Церпицкая О. Л.* Возможности использования религиозного фактора для формирования имиджа Российской Федерации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. — № 1 (22). — С. 31–34 (0,2 п. л.).

5. *Церпицкая О. Л.* Теоретические аспекты миссионерской деятельности // *Обозреватель-Observer*. — 2010. — № 3 (242). — С. 81–89 (0,5 п. л.).

6. *Церпицкая О. Л., Маркушина Н. Ю.* Концепция регионального институционализма // *Обозреватель-Observer*. — 2010. — № 4 (243). — С. 7–14 (0,5 п. л. / 0,25 п. л.).

7. *Церпицкая О. Л.* Миссии и Представительства в системе зарубежных учреждений РПЦ // *Обозреватель-Observer*. — 2011. — № 4 (255). — С. 42–48 (0,4 п. л.).

8. *Церпицкая О. Л.* Формирование «православной цивилизации» // *Обозреватель-Observer*. — 2011. — № 5 (256). — С. 73–78 (0,3 п. л.).

9. *Церпицкая О. Л., Маркушина Н. Ю., Харлампьева Н. К.* «Арктическое окно» Северного Измерения // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2011. — № 3 (28). — С. 88–97 (0,5 п. л. / 0,2 п. л.).

10. *Церпицкая О. Л.* Формирование в России национальной идеи // *Обозреватель-Observer*. — 2011. — № 7 (258). — С. 59–65 (0,4 п. л.).

11. *Церпицкая О. Л.* К вопросу о взаимодействии Русской Православной Церкви и Российской Федерации в обеспечении международной безопасности // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2011. — № 2 (27). — С. 116–120 (0,3 п. л.).

12. *Церпицкая О. Л.* Православный Петербург // *Рассвет над Петербургом: Санкт-Петербург в мировом сообществе* / Сост. В. С. Ягья. — СПб.: Европ. дом, 2005. — С. 241–247 (0,4 п. л.).

13. *Церпицкая О. Л.* Взаимоотношения «старых» меньшинств Европы с правительствами отдельных стран и инокультурным большинством // *Арктическая идея*. — 2009. — Апрель. — С. 94–95 (0,07 п. л.).

14. *Церпицкая О. Л.* Основные направления международной деятельности Русской Православной Церкви на современном этапе // *Россия в глобальном мире: Соц.-теорет. альманах*. — № 16. — СПб., 2009. — С. 206–219 (0,8 п. л.).

15. *Церпицкая О. Л.* К вопросу о существовании политической мысли в Древнем Египте // *Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке*. — № 4: Восток в современном мире. — СПб., 2009. — С. 45–62 (1,1 п. л.).

Церпицкая Ольга Львовна

Православная духовная миссия
в контексте глобальных модернизационных процессов

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Подписано в печать 29.12.11.

Формат 60×84^{1/16}.

Бумага офсетная.

Объем 2,25 печ. л. Усл. печ. л. 2,09.

Тираж 100 экз. Заказ 23.

191060, Санкт-Петербург, Смольный 1/3, подъезд 8

Факультет международных отношений СПбГУ

Тел. (812) 576-82-65; факс (812) 576-44-37

E-mail: rio@sir.edu

www.sir.edu

Отпечатано в типографии «Литография»,

191119, С.-Петербург, Днепропетровская ул., д. 8.